

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

О кончине И. С. Тургенева

«22 августа скончался в Буживале (поместье близ Парижа) Иван Сергеевич Тургенев. Кончина нашего знаменитого писателя не была неожиданностью...»

Иван Сергеевич Аксаков О кончине И.С.Тургенева

22 августа скончался в Буживале (поместье близ Парижа) Иван Сергеевич Тургенев. Кончина нашего знаменитого писателя не была неожиданностью. Более четверти века постоянным его местопребыванием были чужие края, и в Россию он являлся только гостем; едва ли бы даже можно было ожидать от него новых блестящих произведений, раскрывающих нашему общественному сознанию какую-нибудь новую сторону русской общественной жизни, внутренний смысл возникающих в ней явлений и направлений (как, например, в «Рудине», «Дворянском гнезде», «Отцах и детях» и т. д.). И тем не менее смерть его образует пустоту, которую заместить нечем и нечем, вызывает, – по крайней мере в литературно-общественной среде, – скорбное чувство обеднения и сиротства. Старые крупные мастера сходят в могилу или с поприща; на смену им не является или, вернее сказать, не настала еще пора явиться новым...

Тургеневым замыкается целый период нашей художественной литературы и общественного развития, запечатленный особен-

ным типом – идеализмом сороковых годов, несомненно возвышенным и гуманным, но более или менее неопределенным, малосодержательным, почти беспочвенным, более эстетическим, чем нравственно-доблестным, почти систематически чуждавшимся русско-го народного и исторического духа или, по крайней мере, сильно космополитическим, ощущавшим себя на Западе Европы несравненно более дома, чем в родной стране. В родной стране, впрочем, этот идеализм (нередко в литературе называемый «западничеством») обрел себе одно определенное, реальное явление жизни, к борьбе с которым, хотя бы лишь во имя «гуманности» и «общевропейских культурных» начал, и приложил он с полной искренностью возможные для него усилия – в общем союзе с людьми так называемого народного направления: мы разумеем здесь крепостное право, уничтожение которого поэт-художник Тургенев поставил, по его словам, главной задачей своей жизни. И действительно, своими «Записками охотника» – едва ли не самым лучшим из его созданий – сослужил он своему отечеству и народу поис-

тине добрую службу, после которой, однако, т<о> е<сть> после освобождения крестьян, именно в 1861 г. и променял Россию на постоянное жительство за границей[1]. Тем не менее Тургенев, как истинный художник, а по природе своей, наперекор своему воспитанию и так называемым «убеждениям», и вполне русский человек (и какой благодущный, мягкосердечный, симпатичный человек!), сам из русского же дворянского гнезда, умел воспроизводить не одни только отрицательные, но иногда, с невольным сочувствием, и некоторые положительные черты русской народной жизни. Но тонкий и умный наблюдатель, он не останавливался на этих чертах, потому что уже не в силах был высвободить свою мысль из плена, которому отдал ее смолоду – «в послушание вере», т<о> е<сть> своей слепой безусловной вере в «западноевропейскую цивилизацию» и «прогресс»... Судьба этого прогресса в России, в среде подрастающих поколений, постоянно привлекала его внимание и на чужбине, – и с свойственной ему чуткостью он угадал и возвел в типы многие болезненные явления нашего

развития; при этом правда художника, вопреки его собственному желанию, брала верх над неправдой мыслителя... Но не как мыслителя и гражданина, а как великого русского художника, одного из двигателей нашего общественного самосознания, как великого мастера русского слова будет поминать его вечно, с признательностью и любовью, Россия.

Примечания

Фактически Тургенев живет за границей начиная с июля 1856 г.; в 1863 г. он покупает в Баден-Бадене участок и строит там дом, но почти каждое лето проводит на родине в своем имении Спасское-Лутовиново; периодически, наездами, бывает он в Москве и Петербурге, встречается с писателями, издателями, редакторами журналов, литературной общественностью, студенческой молодежью.

[^^^]